

М.В. ШКАРОВСКИЙ

РУССКИЕ
ОБИТЕЛИ
АФОНА и
Элладская Церковь
в XX веке

Р
У
С
С
К
И
Й
А
Ф
О
Н

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

Выпуск 7

Михаил Витальевич Шкаровский

Русские обители Афона и Элладская Церковь в XX веке

Серия «Русский Афон», книга 7

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11080203

*Русские обители Афона и Элладская Церковь в XX веке: ИНДРИК; М.,
2010*

ISBN 978-5-91674-099-8

Аннотация

Книга известного церковного историка Михаила Витальевича Шкаровского посвящена истории русских обителей Афона в XX в., главным образом в 1910–40-е гг. Эти годы стали не только очень важным, но и наименее исследованным периодом в истории русского Афона, когда в его обителях, несмотря на тяжелое материальное положение и постепенное сокращение числа иноков, велась активная духовная жизнь, проживали многие известные русские подвижники благочестия и церковные деятели. В работе также освещена история Элладской Православной Церкви в 1917–1940-х гг., так как без нее трудно понять ситуацию, в которой находились в тот период русские обители Святой Горы. Книга предназначена для историков, священнослужителей, паломников и всех интересующихся

историей Русской Православной Церкви. Фотографии 6-9, 12-13, 20-21, 23-28 – А.А. Китаева; 46 – М.Г. Талалая.

Содержание

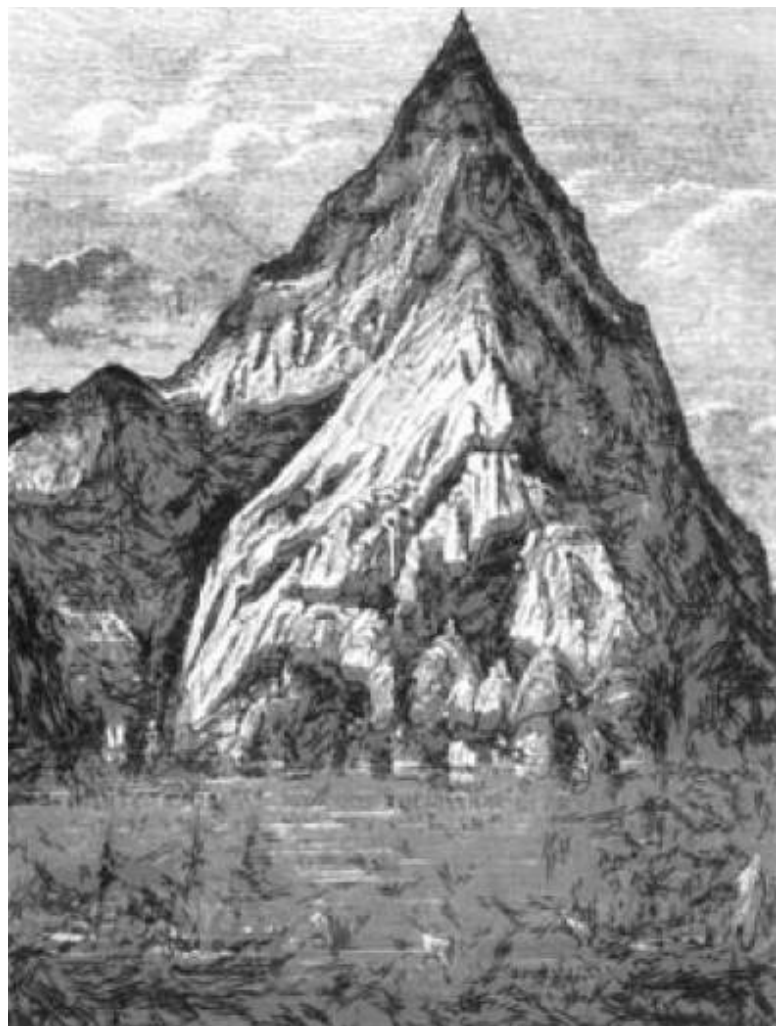
Введение	6
Русские обитатели Афона в XX веке	27
Конец ознакомительного фрагмента.	55

**Михаил Витальевич
Шкаровский
Русские обители
Афона и Элладская
Церковь в XX веке**

© Издательство «Индрик», 2010

© Шкаровский М.В., Текст, 2010

Введение

История русских обителей Афона, их подворий в России, а также русских церковных общин на территории Греции и Турции является одной из малоисследованных тем отечественной историографии. Практически отсутствует опубликованная источниковая база. Несмотря на важность Святой Горы для русского православного и национального самосознания, отечественные историки на протяжении почти всего XX века практически не обращались к этой теме.

Полный разрыв связей русских обителей Афона с Россией в результате революции 1917 г. и утверждения советской власти в стране завершился их трагическим вымиранием во второй половине XX в. В значительной степени поэтому истории русских обителей Святой Горы после 1917 г. не уделялось должного внимания. Между тем, эта история также необычайно богата и интересна. Достаточно сказать, что в 1920–40-е гг. на Афоне спасались такие известные русские подвижники благочестия и церковные деятели, как преподобный Силуан Афонский, иеросхимонах Феодосий Афонский (Харитонов), иеросхимонах Никон (Штрэндман), архиепископ Василий (Кривошеин), епископ Кассиан (Безобразов), схиархимандрит Софроний (Сахаров) и многие другие.

В последние два десятилетия вновь существенно выросли связи России со Святой Горой, началось возрождение русских обителей Афона. Поэтому так важно изучить историю прошлых десятилетий, опыт существования обителей и их насельников в такие тяжелые и переломные периоды, как,

например, годы Первой и Второй мировых войн. Все это может способствовать возрождению бывших русских обителей Святой Горы и их прежних многовековых традиций.

В предлагаемом читателю издании акцент сделан на истории русских обителей Святой Горы, русской православной эмиграции в исторически связанной с Афоном части Юго-Восточной Европы (в Греции и Турции), влиянии духовенства Русской Православной Церкви за границей на развитие Православия в этом регионе и религиозной политике нацистской Германии в отношении Русской, Элладской Церкви и афонских монастырей. Историю монашеской жизни на Святой Горе в XX в. сложно всесторонне осветить без изучения истории Элладской Православной Церкви в этот период, поэтому данной теме также уделено значительное внимание.

Хронологические рамки исследования в основном охватывают период с 1900-х по 1950-е гг., при этом особенно большое внимание уделяется истории русских обителей Афона и русской церковной эмиграции в Греции и Турции в 1920–30-е гг., а также событиям Второй мировой войны. Годы этой войны представляли собой уникальный период, когда русское духовенство играло значительную роль в религиозной жизни Восточной Европы. Оно было более образованно, активно, креативно, чем местные православные священнослужители и поэтому с начала 1920-х гг. зачастую выступало инициатором многих важных духовных процессов: способствовало возрождению монашества, созданию духов-

ных учебных заведений, развитию богословской науки и т. д.

Первые православные русские храмы появились в Юго-Восточной Европе в начале XIX в. Однако численность их прихожан оставалась небольшой. Ситуация изменилась после Октябрьской революции 1917 г. и окончания гражданской войны в России. Пределы страны покинуло около двух миллионов представителей белой эмиграции, не смирившихся с победой советской власти. И первым крупным центром этой эмиграции стал Константинополь (Стамбул). К началу 1920-х гг. более двухсот тысяч беженцев из России поселилось в странах Балканского полуострова, прежде всего в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Югославия), но также и в Греции, Турции. Такое количество эмигрантов способствовало значительной активизации русской церковной жизни. К сожалению, из-за противодействия греческого правительства в русские обители Афона смогли попасть лишь очень немногие эмигранты.

Как существовавшие ранее, так и появившиеся после 1917 г. православные общины не имели единого управления и принадлежали к трем юрисдикциям, к началу 1930-х гг. возникшим на основе прежде единой Русской Церкви: Московский Патриархат, Русская Православная Церковь за границей (РПЦЗ) с центром в югославском городе Сремски Карловцы (карловчане) и Временный экзархат Вселенского Патриарха на территории Европы с центром в Париже, который возглавлял митрополит Евлогий (Георгиевский) – по

имени главы евлогиане. Правда, общин Московского Патриархата в Юго-Восточной Европе к началу Второй мировой войны не осталось, фактически не было и евлогианских приходов. Подавляющая часть священнослужителей и мирян принадлежала к Русской Православной Церкви за границей.

Эта Церковь хотя и была относительно небольшой по численности, однако обладала значительным авторитетом, и поэтому играла заметную роль в определении общей церковной ситуации на Юго-Востоке Европы. Паства РПЦЗ проживала в Болгарии, Румынии, Греции, Венгрии, Югославии и Турции. Руководящий орган РПЦЗ – Архиерейский Синод во главе с его председателем – сначала митрополитом Антонием (Храповицким), а после его смерти, с 1936 г. – митрополитом Анастасием (Грибановским) до сентября 1944 г. находился на территории Югославии – в городе Сремски Карловцы (с 1941 г. – в Белграде)¹. Русские обители Афона, хотя и находились в юрисдикции Вселенского Патриарха, испытывали большое влияние Русской Православной Церкви за границей.

Уже через пару лет после прихода нацистов к власти в Германии – в конце 1935 – начале 1936 гг. Юго-Восточная Европа оказалась в поле зрения их внешней политики. Расположенные в этом регионе государства населяли в основном православные народы. Национальные Православные Церкви традиционно играли большую роль в жизни балкан-

ских стран, и Германский МИД в 1936–1944 гг. постоянно пытался различными способами включить их в сферу влияния III рейха. Все десять лет этот фактор оказывал заметное влияние и на нацистскую политику в отношении Русской Православной Церкви. На территории Германии в 1930-е гг. русские эмигранты составляли большую часть всех православных, и греки, болгары, сербы, румыны зачастую входили в русские приходы. Поэтому Рейхсминистерство церковных дел свою политику определенного покровительства РПЦЗ не случайно связывало с достижением влияния на Православные Церкви Балканского полуострова.

1941 г. явился рубежом изменения германской политики по отношению к Русской Церкви в целом, что также проявилось и на Балканах. Внешнеполитические ведомства считали, что РПЦЗ является активным проводником чуждой русской националистической и монархической идеологии и к тому же тесно связана с врагом III рейха Сербским Патриархом Гавриилом. Еще более жесткую позицию по отношению к РПЦЗ занимали руководство нацистской партии, Главное управление имперской безопасности. После начала войны с СССР их линия полностью возобладала и проявилась открыто и ярко. Почти во всех директивах второй половины 1941 г. о церковной политике на Востоке говорилось о категорическом недопущении священников из других стран на занятую территорию СССР. С осени 1943 г. под влиянием военной и внешнеполитической ситуации германские

ведомства начали предпринимать безуспешные попытки использовать для воздействия на балканские Церкви архиереев оккупированных территорий СССР и Русской Православной Церкви за границей, при сохранении в основном прежнего недоверия и политики изоляции последней.

Следует подчеркнуть важность балканского региона для III рейха. Несомненное значение имел тот факт, что Болгария и Румыния стали союзниками Германии во Второй мировой войне. Особенно большое внимание нацистские ведомства принялись уделять церковной политике на Балканах с 1941 г. – после оккупации Югославии и Греции и начала войны с СССР. Германская церковная политика в Юго-Восточной Европе с этого времени была в основном направлена на раздробление единства Православных Церквей и установление своего контроля над ними. Летом 1941 г. германским органам власти удалось включить в сферу своего влияния Элладскую Православную Церковь, однако это продолжалось немногим более двух лет. Не только Элладская, но и большинство других Православных Церквей Юго-Восточной Европы действительно в первые годы войны находились под германским влиянием, но осенью 1943 г. оно было утрачено, и в данной сфере III рейх фактически потерпел поражение еще за год до своего военного разгрома на Балканах.

Необходимо отметить и существование заметных различий в немецкой и итальянской религиозной политике на оккупированных территориях Юго-Восточной Европы и, в

частности, в Греции. Высшие германские ведомства в принципе придерживались антицерковной позиции, поэтому в целом их религиозная политика была значительно более жесткой. Однако из тактических соображений некоторые службы III рейха, прежде всего Министерство иностранных дел и различные его представители, нередко поддерживали Православную Церковь против Католической, как более слабую сторону. Из-за этой и ряда других причин их позиция по отношению к Элладской Церкви была относительно лояльной. Итальянская администрация, наоборот, активно способствовала расширению влияния Католической Церкви, при этом ведя себя в целом более либерально, чем немецкая, и в отношении других конфессий. Однако вследствие территориальных претензий к Греции именно Элладскую Церковь итальянские власти подвергали довольно сильному давлению.

Заметно выросшая в годы Второй Мировой войны социальная и политическая роль Элладской Православной Церкви оставалась довольно значительной и в первые послевоенные годы. Это способствовало дальнейшей эллинизации негреческих обителей Афона.

В целом представляемое читателю издание состоит из нескольких частей: введения, очерков по истории русских обителей Афона в XX в., истории подворий русских афонских обителей в Константинополе и Санкт-Петербургского подворья Свято-Андреевского скита, истории русских при-

ходов Греции в XX в. и истории Элладской Православной Церкви в 1917–1940-х гг., а также публикации документов русских обителей Святой Горы и Санкт-Петербургского подворья Свято-Андреевского скита.

При общем обилии литературы о русских обителях на Святой Горе Афон научных работ по их истории в 1917–1980-х гг. относительно немного. В основном они принадлежат двум авторам: московскому историку П. Троицкому² и проживающему в настоящее время в Неаполе петербургскому историку кандидату исторических наук М.Г. Талалаю³. Можно упомянуть и некоторые другие работы⁴. Однако, многие сюжеты истории русских обителей Святой Горы, прежде всего в 1930–40-е гг., оставались неизученными.

Значительный вклад в изучение истории Поместных Православных Церквей, в том числе Элладской Церкви, внес преподаватель Московской Духовной Академии К.Е. Скурат⁵. Основным же автором, изучающим историю русских общин в Греции и Турции, был М.Г. Талалай. Он опубликовал несколько ценных работ, в том числе по истории общин в Афинах, Пирее, Салониках и русских обителей на Святой Горе Афоне⁶. Важной работой является коллективный труд «Русские храмы и обители в Европе», составителями которого были петербургские ученые В.В. Антонов и А.В. Кобак⁷. Разделы этого труда, посвященные русским храмам в Греции, Турции и русским обителям Афона, написал М.Г.

Талалай при небольшом участии В.В. Антонова.

При написании разделов по истории Элладской Православной Церкви и русских афонских обителей активно использовались труды греческих, сербских и болгарских историков Г. Псаллидиса, З. Петровича, Р. Радич, С. Елдырова, К.А. Бойкикевой и других. При всем различии и нередко значительной политизированности их позиций эти труды представляют особую ценность вследствие использования большого комплекса документов государственных и церковных архивов балканских стран⁸. Некоторые сюжеты избранной темы ранее уже освящались и в работах автора книги⁹.

Отечественная историография Санкт-Петербургского подворья Свято-Андреевского скита невелика. Краткие сведения о Благовещенской церкви подворья содержатся в книге С.С. Шульца «Храмы Санкт-Петербурга. История и современность»¹⁰. В 1996 г. вышел в свет 3-й том историко-церковной энциклопедии В.В. Антонова и А.В. Кобака «Святые Санкт-Петербурга», где дано описание храма Свято-Андреевского подворья и кратко излагается его история¹¹. В том же году В.В. Антонов опубликовал статью о разгроме Афонского подворья в Ленинграде¹². Наконец, в 1999 г. вышла наша книга автора «Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви», в которой также говорилось о репрессиях против иноков Петербургского подворья¹³.

Значительную ценность представляют опубликованные

воспоминания, письма и исследования непосредственных участников описываемых в издании событий: бывшего афонского монаха архиепископа Василия (Кривошеина), схиархимандрита Софрония (Сахарова), Первоиерарха Русской Православной Церкви за границей митрополита Антония (Храповицкого), правителя дел Архиерейского Синода РПЦЗ епископа Григория (Граббе), известного церковного деятеля, писателя и многолетнего нескгибаемого борца за русский Афон В.А. Маевского и других¹⁴.

Главным недостатком существующей историографии по избранной теме является узость источниковой базы. Материалы как российских, так и немецких, болгарских, греческих архивов использовались очень мало. Между тем предлагаемая читателю книга в значительной степени основана на архивных документах. Ее источниковую базу составляют материалы 12 государственных (трех немецких, пяти российских, двух американских, одного болгарского и одного греческого), а также четырех церковных архивов.

Прежде всего следует указать Федеральный архив в Берлине (Bundesarchiv Berlin – ВА), где наибольшее значение для избранной темы имеет фонд Рейхсминистерства иностранных дел, в котором хранятся дела, содержащие донесения немецких посольств и уполномоченных МИД о религиозной ситуации в европейских странах, в том числе в Греции. В двух подобных делах, в частности, имеются сведения о положении русских обителей на Святой Горе Афон (R 901).

В фонде Главного управления имперской безопасности имеется богатая информация о положении Русской Православной Церкви на оккупированной территории Восточной Европы (R 58). Фонд Рейхсминистерства церковных дел содержит, прежде всего, материалы о положении приходов Русской Православной Церкви на территории Германии, однако с информативной целью министерство также получало различные сообщения и докладные записки о религиозной ситуации на оккупированной территории СССР и на Балканах. Таким образом, в этом фонде отложились дела, содержащие информацию о Православных Церквях в Греции, в том числе на Святой Горе Афон (R 5101). Кроме того, в Федеральном архиве отдельные акты, относящиеся к германской церковной политике на Юго-Востоке Европы, содержатся в фондах Имперской канцелярии (R 43/II), Рейхсминистерства юстиции (R 22), Рейхсминистерства финансов (R 2), Внешнеполитической службы национал-социалистической германской рабочей партии (NS 43) и др.

Очень ценным архивохранилищем является Политический архив Министерства иностранных дел в Бонне (Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes Bonn – AA), где хранятся десятки дел с аналитическими записками, отчетами, письмами, телеграммами немецких дипломатических служб о религиозной ситуации в странах Восточной и Центральной Европы, в том числе в Греции (Inland I-D, 4740–4742, 4797–4800 и др.).

В архиве Института современной истории в Мюнхене (Institut für Zeitgeschichte München – IfZ) сведения о церковной ситуации в оккупированной Греции содержатся в материалах немецкого военного командования (МА 1039), Главного управления имперской безопасности (МА 447, 558, Фа 231/3) и Внешнеполитической службы «Восток» (МА 128).

С помощью греческих исследователей автору удалось посмотреть хранящиеся в Историческом архиве Священного Синода Элладской Православной Церкви (Historical Archives of the Holy Synod of the Greek Church – НАНС) в Афинах материалы Синода этой Церкви за годы Второй мировой войны.

Кроме того, была предпринята поездка в Софию, где автор работал в Государственном архиве Болгарии. Здесь были изучены как фонды занимавшихся церковными делами учреждений и ведомств этой страны, так и документы самой Болгарской Православной Церкви 1930-х – 1945 гг., в том числе переписка ее Священного Синода с русскими и болгарскими обителями на Святой Горе (ф. 791к).

Историю русских обителей Афона и русских церковных общин на территории Греции и Турции можно изучать и по материалам советских или русских эмигрантских организаций, хранящимся в трех московских архивах – Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) и Российском государственном военном

архиве в Москве (РГВА). В ГАРФе в этом плане особенный интерес представляют обширные фонды Совета по делам Русской православной церкви (ф. 6991) и Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей (ф. 6343), в РГАСПИ – фонд Центрального Комитета ВКП(б) – КПСС (ф. 17), а в РГВА – фонд Главного управления имперской безопасности (ф. 500).

Также был изучен обширный документальный материал, хранящийся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга и некоторых других архивах города по истории Санкт-Петербургского подворья Свято-Андреевского скита. Основное внимание уделялось изучению документов административных подразделений органов советской власти, которые осуществляли контроль за деятельностью Церкви: административных отделов Петрогубисполкома, Ленгорисполкома, Леноблисполкома, Володарского райисполкома и т. д. Некоторые документы о репрессированных афонских иноках Петербургского подворья были изучены в архиве Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области и в Архиве Санкт-Петербургской епархии.

Автор работал и в двух содержащих русские церковные документы архивах американских университетов. Первый из них – Бахметьевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры находится в Колумбийском университете г. Нью-Йорка (The Bakhmeteff Archive of Russian

and East European History and Culture, New York). Другой архив принадлежит Стенфордскому университету, расположенному в Селиконовой долине вблизи г. Сан-Франциско (Калифорния). Одна часть архива хранится в Гуверовском институте войны, революции и мира (Hoover Institution on war, revolution and peace Archives, Stanford University), а вторая – в специальной коллекции университетской библиотеки (Stanford University, Special collections Librarian). Здесь особенный интерес представляет фонд епископа Григория (Граббе).

Вторую группу образуют четыре церковных архива, прежде всего Синодальный архив Русской Православной Церкви за границей в г. Нью-Йорке (СА). Из его документов для подготовки издания использовались материалы нескольких дел: с протоколами заседаний Архиерейского Синода РПЦЗ за 28 ноября 1940 – 18 сентября 1946 г., протоколами Архиерейских Соборов 1921–1949 гг., перепиской Первоиерарха РПЦЗ митрополита Анастасия (Грибановского) с некоторыми афонскими монахами, а также личные дела митрополита Анастасия (Грибановского), епископа Георгия (Граббе) и т. д.

На севере штата Нью-Йорк, в небольшом городке Джорданвилле находится Архив Свято-Троицкой Духовной семинарии Русской Православной Церкви за границей. Здесь были использованы личные фонды генерала П.Н. Краснова, церковного писателя В.А. Маевского (собравшего большое

количество документов русских обитателей на Святой Горе Афон), историка В.И. Алексеева, протопресвитера Михаила Польского, журналиста В.К. Абданк-Коссовского, содержащие материалы по истории русской церковной эмиграции, в том числе в Греции.

Эти материалы дополняет Архив Германской епархии Русской Православной Церкви за границей в г. Мюнхене (АГЕ). Здесь хранятся дело «Разная переписка. Военные годы» с документами начальника канцелярии Архиерейского Синода РПЦЗ до начала 1930-х гг. Е.И. Махараблидзе, дело «Указы Архиерейского Синода РПЦЗ. Распоряжения Патриархии. 1923–1951 гг.», в котором собраны различные материалы по истории Православной Церкви, в том числе на Балканах.

Следует упомянуть и Архив автокефальной Американской Православной Церкви в Сайосете (штат Нью-Йорк) – The Archives of the Orthodox Church in Amerika Syosset (OCA Archives). В этом архивохранилище использовались материалы известного церковного историка протоиерея Дмитрия Константинова, переписка Элладской, Болгарской, Сербской и других Поместных Православных Церквей с Американской Церковью.

В издании также активно использовались статьи и публикации документов из православных периодических изданий Русской Православной Церкви за границей – прежде всего газеты «Православная Русь» (Ладомирова, Словакия

и Джорданвилл, США), журналов «Церковная жизнь» (Белград, Югославия), «Церковное обозрение» (Белград), «Церковная Летопись, Лозанна, Швейцария) и ряда других.

Наиболее интересные из выявленных материалов опубликованы в данной работе. Цель публикации – наглядно показать ход развития событий и познакомить читателя с документами тех лет.

Издание подготовлено ведущим научным сотрудником Центрального государственного архива Санкт-Петербурга доктором исторических наук Михаилом Витальевичем Шкаровским.

Автор приносит глубокую благодарность всем тем, кто помог нам в поисках документов: профессору Томасу Бремеру, профессору Григориосу Псаллидису, О.И. Ходаковской, М.Г. Талалаю и М.А. Романовой.

Книга подготовлена при содействии немецкого научного фонда Gerda Henkel Stiftung.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Bundesarchiv Berlin (BA), 62Di 1/85. Вл. 52; *Григорьевич Б.* Русская православная церковь в период между двумя мировыми войнами // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 11–113.

2 *Троицкий П.* Свято-Андреевский скит и русские кельи на Афоне. М., 2002; *Его же.* Русские на Афоне. XIX–XX век.

М., 2003; *Его же*. История русских обителей Афона в XIX–XX веках. М., 2009.

3 *Талалай М.Г.* Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках. М., 2003; *Его же*. Положение русского монашества на Афоне после 1912 г. // Россия и Христианский Восток. М., 2004. С. 581–589.

4 Например: *Зубов Д.В.* Афон и Россия. Духовные связи. М., 2000; *Забытые страницы русского имяславия*. М., 2001; *Игумен Н.* Сокровенный Афон. М., 2002.

5 *Скурат К.Е.* История Поместных Православных Церквей. В 2-х ч. М., 1994.

6 См.: *Талалай М.Г.* Русская община в Афинах // Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 98–101; *Его же*. Русские захоронения на военном кладбище Зейтинлик в Салониках. СПб., 1999; *Его же*. Русские церковные общины в Греции в межвоенный период // Русская эмиграция в Европе в 1920–1930-е гг. Вып. 2. М.; СПб., 2005. С. 124–131; *Его же*. Генеалогия Демидовых князей Сан-Донато (по зарубежным источникам) // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 3 / Сост. Н.Г. Демидова. М., 2003. С. 117–119; *Его же*. Русское кладбище имени Е.К.В. Королевы Эллинов Ольги Константиновны в Пирее (Греция). СПб., 2002; *Его же*. Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках. М., 2003 и др.

7 Русские храмы и обители в Европе / Авт.-сост. В.В. Антонов, А.В. Кобак. СПб., 2005.

8 *Psallidas G.* Ecclesiastical Policy of the Occupying Forces in Greece and the Reactions of the Greek Orthodox Church to Its Implementation (1941–1944) // Religion under Siege. II. Protestant, Orthodox and Muslim Communities in Occupied Europe (1939–1950). Leuven, 2007. P. 93–118; *Zerjavić V.* Gubici stanovništva Jugoslavije u drugom svetskom ratu. Zagreb, 1989; *Петрович З.* Монастири Свете Горе. Приштина, 1994; *Радић Р.* Држава и верске заједнице 1945–1970. Д. 1. Београд, 2002; *Бойкикева К.А.* Болгарская Православная Церковь. Исторический очерк. София, 2005; *Елдъров С.* Православието на войне. Българската православна църква и войните на България 1877–1945. София, 2004.

9 *Шкаровский М.В.* История русской церковной эмиграции. СПб., 2009 и др.

10 *Шульц С.С.* Храмы Санкт-Петербурга. История и современность. СПб., 1994. С. 213.

11 *Антонов В.В., Кобак А.В.* Святыни Санкт-Петербурга. Историко-церковная энциклопедия в трех томах. Т. 3. СПб., 1996. С. 175–178.

12 *Антонов В.В.* Разгром Афонского подворья в Ленинграде // Возвращение. 1996. № 8. С. 27–28.

13 *Шкаровский М.В.* Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999. С. 70–71.

14 *Василий (Кривошеин), архиепископ.* Воспоминания. Нижний Новгород, 1998; *Его же.* Спасенный Богом. Воспоминания, письма. СПб., 2007; Церковь Владыки Василия

(Кривошеина). Письма, статьи, воспоминания / Сост. А. Му-
син. Нижний Новгород, 2004; *Софроний (Сахаров), иеромо-
нах*. Старец Силуан Афонский. М., 1996; *Маевский В.* Афон-
ские рассказы. Париж, 1950; *Его же.* Русские в Югославии.
Взаимоотношения России и Сербии: В 2-х тт. Нью-Йорк,
1966; Письма Блаженнейшего Митрополита Антония (Хра-
повицкого). Джорданвилл, 1988; *Григорий (Граббе), епископ.*
Завет Святого Патриарха. М., 1996.

Русские обитатели Афона в XX веке

Святая Гора Афон имеет особый статус не только в Греции, но и во всем православном мире. По преданию, гористый полуостров, имеющий 80 км в длину и 16 км в ширину, был взят под свой омофор Божией Матерью, отчего его часто называют «земным уделом Богородицы». Греческая конституция признает административную автономию расположенных здесь монастырей, а гражданский губернатор полуострова, назначаемый греческим правительством, не имеет права вмешиваться в их внутренние дела. Все афонские монастыри находятся в юрисдикции Вселенского Патриарха, вне зависимости от их национальной принадлежности. Согласно уставу на Афоне имеется 20 Патриарших ставропигиальных монастырей, из них 17 греческих: Великая Лавра прп. Афанасия Афонского, Ватопед (во имя Благовещения Пресвятой Богородицы), Ивирон (бывший грузинский Иверский монастырь в честь Успения Богородицы), Дионисиат (во имя Рождества Иоанна Предтечи), Кутлумуш (в честь Преображения Господня), Пантократор (в честь Преображения Господня), Ксиропотам (во имя Сорока мучеников Севастийских), Дохиар (во имя свв. Архангелов), Каракал (во имя свв. Апостолов Петра и Павла), Филофей (в честь Благовещения Пресвятой Богородицы), Симонопетра (в честь Рождества Христова), Ставреникита (во имя свт. Николая Чудо-

творца), монастырь св. Павла (в честь Сретения Господня), Ксенофонт (во имя вмч. Георгия Победоносца), Григориат (во имя свт. Николая Чудотворца), Эсфигмен (в честь Вознесения Христова), Кастамонит (во имя св. первомч. Стефана), а также русский монастырь вмч. Пантелеимона (Русик), болгарский Зограф (во имя вмч. Георгия Победоносца) и сербский Хиландар (во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы). Только эти 20 обителей имеют права собственности на Святой Горе.

Помимо монастырей на Афоне находится 12 приписанных к ним перечисленных в уставе скитов (не считая фактически заселенных к началу XX в. русскими насельниками скитов Старый Русик и Новая Фиваида), а также около 200 келлий и 500 калив. Из 12 скитов два были русскими: св. Апостола Андрея Первозванного (при монастыре Ватопед) и прор. Илии (при монастыре Пантократор), два – румынскими: св. Иоанна Предтечи (Продром при Лавре прп. Афанасия) и вмч. Димитрия (Лакку при монастыре св. Павла), один болгарским – Успения Пресвятой Богородицы (Мариинский, Ксилургу при монастыре вмч. Пантелеимона), а семь греческими: вмч. Димитрия (монастырь Ватопед), Благовещения Пресвятой Богородицы (монастырь Ксенофонт), прав. Анны (Лавра прп. Афанасия), Кавсокаливия (Пресв. Троицы при Лавре прп. Афанасия), Новый скит (Рождества Пресвятой Богородицы при монастыре св. Павла), вмч. Пантелеимона (монастырь Кутлумуш), св. Иоанна Предтечи (мо-

настырь Ивирон). В 1914 г. Константинопольский Патриарх и греческие власти отклонили просьбу России дать русским скитам статус монастырей¹.

Административным центром Афона является городок Карея. Система управления на Афоне основана, прежде всего, на семи уставах, принятых в период от начала организованной жизни афонского монашества до начала XIX в. Наиболее значительную роль в истории афонского монашества сыграли уставы 971/2, 1046, 1394 и 1810 гг. Однако особое значение для системы управления на Афоне имеет Уставная хартия 1924 г., утвержденная законодательным декретом в 1926 г. Согласно хартии, законодательная власть принадлежит Священному Собранию (Synaxis), которое состоит из 20 членов (настоятелей всех монастырей) и собирается в Карее два раза в год для принятия разного рода канонических указов. В экстренных случаях собирается «двойное собрание», состоящее из 40 членов. Административную власть осуществляет Священный Кинот, который состоит из 20 представителей монастырей – антипросопов (по одному от каждого), которые избираются 1 января и пребывают в своем звании в течение года, а исполнительную власть – Священная Эпистасия (Надзор), которая состоит из четырех членов, в соответствии с делением афонских монастырей на четыре пентады (пятерки). Представитель монастыря первого ранга председательствует в Священной Эпистасии и называется «прот» (т. е. первый) или «протэпистат».

Правом избрания протэпистата обладают пять первых монастырей – Великая Лавра, Ватопедский, Иверский, Хиландарский и Дионисиевский, которые таким образом посылают в Карею еще одного представителя для исполнения этой должности, а остальные три члена избираются из числа представителей, составляющих Священный Кинот. Избрание членов Священной Эпистасии и начало исполнения ими обязанностей происходит 1 июня, срок их полномочий составляет один год. Священная Эпистасия прежде всего следит за поддержанием чистоты, порядка, надзирает за поведением и в случае необходимости изгоняет нарушителей правил приличия. Судебную власть исполняют различные институты, находящиеся как на Святой Горе, так и за ее пределами. В Карее находится также государственный администратор (губернатор) Афона, подчиняющийся Министерству иностранных дел и ответственный за точное исполнение положений Уставной хартии и за безопасность. Губернатор имеет в своем распоряжении небольшой административный аппарат, полицию и служащих – представителей греческого государства на Святой Горе².

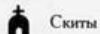
В 1902 г. на Афоне имелось 197 келлий: 148 греческих, 31 русская, 12 румынских, 5 болгарских и 1 грузинская, а также 469 калив: 234 греческие, 183 русские, 45 румынских, 5 болгарских, 1 сербская и 1 грузинская. Под покровительством Свято-Пантелеимоновской обители, имевшей своего представителя в Киноте и использовавшей свой голос в защи-

ту интересов всех русских афонцев, русские келейные обители были защищены от нападков и претензий господствующих греческих монастырей. Согласно сведениям, предоставленным в 1913 г. для российского консульства в Салониках А.А. Павловским (составителем путеводителя по Афону), русским монахам принадлежали 187 келий, в которых подвизались те, кто избрал не общежительный, а пустынный образ жизни; большая часть этих пустынников получала денежную и продовольственную помощь из Свято-Пантелеимоновского монастыря.

АФОНСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Монастыри

Скиты

Экзархимы

1. КАРТА АФОНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В 1896 г. было учреждено «Братство русских обителей (келлий) во имя Царицы Небесной», объединившее насельников русских келлий и калив для взаимной поддержки, оказания помощи бедным келлиотам и отшельникам, ведения миссионерской деятельности. Канцелярия поддержанного российским правительством через консульство в Салониках и посольство в Константинополе братства располагалась в келлии сщмч. Игнатия Богоносца (относившейся к сербскому Хиландарскому монастырю). Председателями Братства русских обителей на Афоне накануне падения Российской империи были: в 1913–1915 гг. – иеросхимонах Герасим, в 1915–1916 гг. – иеросхимонах Петр (Белозерский), а в 1916–1918 гг. – настоятель Свято-Артемьевского скита иеромонах Афанасий. Три крупнейшие русские обители Святой Горы имели свои подворья в различных городах Российской и Османской империй: Свято-Пантелеимоновский монастырь – в Константинополе (с церковью св. вмч. Пантелеимона), Салониках (с домовым храмом св. вмч. Пантелеимона Целителя), Одессе и Москве, Свято-Андреевский скит – в Константинополе (с церковью Казанской иконы Божией Матери), Одессе (с храмом прп. Сергия Радонежского), Санкт-Петербурге (с храмом Благовещения Пресвятой Богородицы) и Ростове-на-Дону, СвятоИльинский скит – в

Константинополе (с церковью св. прор. Илии), Одессе и Таганроге³.

Еще в 1887 г. Свято-Андреевский скит начал издавать журнал «Наставления и утешения святой веры христианской», выходявший до 1917 г. Свой журнал – «Душеполезный собеседник» в этот период издавал и Свято-Пантелеимоновский монастырь. Кроме того в Свято-Андреевском скиту была устроена фотомастерская, в результате работы которой в начале 1914 г. был издан замечательный «Альбом видов Русского Свято-Андреевского скита на Афон. (Виды обители, церквей, подворий и проч.)». Также в 1914 г. свой фотоальбом «Виды монастырей и скитов святой Афонской Горы» выпустил и Свято-Ильинский скит⁴.

Русские насельники Свято-Пантелеимоновской обители оставались российскими подданными и находились в ведении российского посольства в Константинополе, платя ежегодную подушную подать Османской империи. В 1879 г. святогорским инокам был разрешен въезд в Россию «без предварительных сношений со Святейшим Синодом», лишь с паспортом, выданным российским консульством в Константинополе. Свято-Пантелеимоновский монастырь и другие русские обители пользовались покровительством российского императорского дома и правительства в лице послов в Константинополе и консулов в Салониках. Следует упомянуть, что в 1911 г. от имени цесаревича Алексея Николаевича Иоанно-Златоустовской келлии был подарен боль-

шой колокол⁵.

В 1875 г. насельники Свято-Пантелеимоновского монастыря основали в Абхазии Ново-Афонский монастырь. Афонские монахи также устроили на Кавказе в 1883 г. Закубанскую Михаило-Афонскую пустынь, в 1889 г. – Александро-Афонский Зеленчукский монастырь и в 1904 г. – Второ-Афонский монастырь.

В 1912 г. в Свято-Пантелеимоновском монастыре, двух больших скитах, 82 келлиях и 187 каливах проживало около пяти тысяч русских насельников, что составляло более половины всех монахов Афона – в это время там находилось 3900 греков, 340 болгар, 288 румын, 120 сербов и 53 грузина. Ежегодно Святую Гору в начале XX в. посещало 30 тыс. русских паломников. В том же году в результате освобождения Македонии и Западной Фракии от господства Османской империи Афонский полуостров стал частью греческого государства, 2 ноября 1912 г. в ходе Первой Балканской войны Святую Гору заняли греческие войска, там спустили турецкий флаг, и королевским декретом над монастырями был установлен контроль военных властей. Летом 1913 г. греческие войска заняли Свято-Пантелеимоновский монастырь, однако по требованию российского правительства вскоре оставили обитель.

На мирной конференции в Лондоне в мае-августе 1913 г. Россия предложила сохранить автономный статус Афона под протекторатом шести православных государств: России,

Греции, Румынии, Болгарии, Сербии и Черногории, но не смогла добиться полного принятия такого решения. За интернационализацию Афона активно выступало Братство русских обителей, которое в мае 1913 г. обратилось к Лондонской конференции и в МИД России с просьбой возвести Свято-Пантелеимоновский монастырь в ранг Лавры. Свято-Андреевский и Свято-Ильинский скиты в ранг монастырей, а русские «малые обители» вывести из-под власти греческих монастырей. В ответ представители 17 греческих афонских монастырей 26–28 сентября направили на конференцию открытое письмо с протестом против плана автономии и всеправославного статуса Святой Горы, письмо содержало также предложение изъять Афон из юрисдикции Константинопольского Патриарха и присоединить к Элладской Церкви. В итоге предложения русских обителей не были осуществлены⁶.

В период напряженных споров о будущем Афона положение русских святогорцев осложнилось движением имяславцев, главным руководителем которого с 1912 г. был насельник Свято-Андреевского скита, в прошлом офицер иеросхимонах Антоний (Булатович). В январе 1913 г. братия этого скита сместила с должности настоятеля игумена Иеронима, не разделявшего взгляды иеросхимонаха Антония, и избрала настоятелем приверженца имяславия архимандрита Давида (Мухранова). В феврале 1913 г. иеросхимонах Антоний, архимандрит Давид и все «единомысленные с ними» были

запрещены в служении афонским Кинотом. 18 мая 1913 г. по поручению Святейшего Синода Российской Православной Церкви архиепископ Сергей (Страгородский) составил послание с подробным опровержением имяславия. Однако его приверженцы отказались принять как послания Синода, так и постановления афонского Кинота и Константинопольского Патриарха.

В условиях балканских войн и споров о будущем статусе Святой Горы российский МИД счел необходимым срочно разрешить конфликт: в июле 1913 г. 833 монаха-имяславца были насильно депортированы из Свято-Пантелеимоновского монастыря и Свято-Андреевского скита в Одессу. 40 человек, обвиненных в уголовных преступлениях, заключили в тюрьму, остальных «в мирском одеянии» отправили «для водворения на родину». Указом Святейшего Синода от 24 августа 1913 г. иноки, не принявшие его послания, были запрещены в священнослужении и Причащении Святых Тайн. В послании к Синоду Российской Церкви Константинопольский Патриарх Герман V выразил пожелание, чтобы изгнанные монахи даже в случае раскаяния не могли быть возвращены на Афон. После насильственного удаления в июле 1913 г. из Свято-Андреевского скита 185 имяславцев игумен Иероним был возвращен на свое место, а архим. Давид, принеся покаяние перед Вселенским Патриархом, был вынужден навсегда покинуть Святую Гору. Споры об Имени Божиим продолжались и в дальнейшем и не закончились

до сих пор. В 1917 г. афонские иноки-изгнанники написали прошение Всероссийскому съезду духовенства и мирян о прекращении церковного на них гонения и о восстановлении их иноческих прав. Однако не только этот съезд, но и Всероссийский Поместный Собор 1917–1918 гг., а также Константинопольская Патриархия не пришли к какому-то окончательному выводу⁷. Жестокое подавление движения имяславцев (или иначе имябожников) нанесло тяжелый удар русским обителям Афона.

2. НАСТЕННАЯ РОСПИСЬ В СВЯТО-ПАНТЕЛЕИМОНОВСКОМ МОНАСТЫРЕ

Однако к лету 1914 г. на Святой Горе еще проживало 4285 русских насельников: в Свято-Пантелеимоновском монастыре – 2217, Свято-Андреевском скиту – 700, Свято-Ильинском скиту – 412, в келлиях и каливах – 956⁸. В 1914 г. в связи с началом Первой мировой войны правительство Османской империи закрыло проливы и связь русских афонских обителей с Россией через Черное море прервалась. Зимой 1914/1915 г. российское правительство мобилизовало на фронт часть русских святогорцев (из Свято-Пантелеимоновского монастыря было отправлено 90 иноков, монахи служили в лазаретах, а иеромонахи состояли при походных церквах, совершая богослужения), что породило среди греческих насельников мнение о том, что Россия посылала на Афон для русификации обителей переодетых в монашеские облачения солдат.

Первая мировая, гражданская войны и последующие революционные события резко сократили приток монахов из России. Уже в 1917 г. число русских насельников Святой Горы сократилось до 3500, а греческих выросло до 6500⁹. Дело в том, что греческие монастыри почти не понесли убытки во время Первой мировой войны, в отличие от русских обителей, особенно келлий. При этом война объединила разрозненное русское монашество. В июне 1914 г. в организован-

ное келлиотами Братство русских обителей временно вошли Свято-Пантелеимоновский монастырь и два русских скита – Свято-Андреевский и Свято-Ильинский, о чем был составлен соответствующий акт.

В 1917 г. русские афонцы оказались полностью отрезаны от России, поступление средств и пополнение братии прекратилось, в их обителях начался голод. Отчаянные попытки добыть продовольствие не приносили успеха: в октябре 1917 г. купленный в складчину Братством русских обителей в египетском городе Александрия груз продовольствия, который состоял в основном из зерна, на глазах у монахов утонул в Эгейском море. Афонские монахи единодушно расценили гибель груза как Божие наказание за проведение в Свято-Пантелеимоновском монастыре молебна о даровании в войне победы Временному правительству.

Осенью 1917 г. после долгих переговоров с Ватопедским монастырем был получен официальный документ на право Свято-Андреевскому скиту иметь в отведенном здании свою собственную пристань. Однако после того как временно занимавший Афонский полуостров военный русско-французский отряд покинул Святую Гору, положение русских обителей значительно ухудшилось, и Ватопедский монастырь сначала потребовал обратно разрешение на пристань, а затем просто признал это соглашение недействительным. Нужда заставила братию Свято-Андреевского скита в 1917 г. продавать имевшиеся строительные материалы и вещи, так как

в сложившейся обстановке она была не в состоянии платить проценты за взятые у греков в долг деньги.

В 1918 г. руководитель Братства русских обителей иеромонах Афанасий из-за угроз Протата отказался от своей должности, что усилило нестроения, борьбу партий, увеличило количество жалоб и доносов. В результате келлиоты стали охладевать к братству, начался его закат, как и всего русского монашества на Афоне. Ко всем неприятностям добавился опустошительный пожар в Салониках 5–19 августа 1917 г., приведший к резкому увеличению и без того высоких цен на продукты.

После начала в 1918 г. в России гражданской войны русское афонское монашество оказалось окончательно отрезано от родины. Хотя некоторые сведения о происходивших там трагических событиях доходили до Афона, монахи русских обителей воздерживались от политических выступлений. Так, в ответ на призыв пребывавшего в то время в Константинополе архиепископа Кишиневского Анастасия (Грибановского) «подать свой голос в защиту угнетенного большевизмом народа» настоятели Свято-Пантелеимоновского монастыря и двух русских скитов 9 августа 1919 г. ответили, что «едва ли в данном случае найдемся в состоянии произнести влиятельное слово к вразумлению наших соотечественников»¹⁰.

В свою очередь значительная часть оставшихся после начала Первой мировой войны и революционных собы-

тий в России афонских монахов подвергалась репрессиям. Несколько десятков их оказались заключены в лагеря, тюрьмы или расстреляны. Пять бывших афонских были расстреляны в 1937–1938 гг. на подмосковном полигоне Бутово.

Один из них – иеромонах Иона (в миру Санков Иван Андреевич) родился в 1873 г. в благочестивой купеческой семье в Рязанской губернии. В семье было принято, чтобы кто-то из детей посвящал свою жизнь Богу, становясь за всех родных сугубым молитвенником, и Иван пожелал уйти на Афон и принять монашество. С 1893 по 1914 г. он подвизался на Афоне в Свято-Пантелеимоновском монастыре послушником, затем монахом и иеромонахом. В июле 1914 г. о. Иона служил в Константинополе на подворье Свято-Пантелеимоновского монастыря. После начала Первой мировой войны он вместе с российским консульством выехал в Одессу, где служил на подворье Пантелеимоновского монастыря до его закрытия в 1923 г., потом приходским священником в разных церквях города. Позднее о. Иона переехал на родину в Московскую область, где служил приходским священником. Он был арестован и расстрелян в 1938 г.

Иеромонах Данакт (Калашников Дометиан Ианнуариевич) родился в 1882 г. в крестьянской семье в Киевской губернии, на Афоне в Свято-Пантелеимоновском монастыре был послушником, затем монахом до 1914 г. В дальнейшем о. Данакт вернулся в Россию, в 1914–1923 гг. служил в Москве на подворье Афонского Свято-Пантелеимоновско-

го монастыря, был арестован и сужден в 1929 г. на 3 года исправительно-трудовых лагерей. Вернувшись из ссылки, он поселился во Владимире, где был рукоположен в сан иеромонаха, потом служил в Московской области (1935–1937). Отец Данакт был арестован и расстрелян в 1937 г.

Иеромонах Иларион (Громов Иван Андреевич) родился в 1864 г. в крестьянской семье в Тверской губернии, служил в Одессе, потом в Москве на подворье Афонского Свято-Пантелеимоновского монастыря до 1922 г. Здесь он был рукоположен во иеромонаха. Отец Иларион возглавлял подворье после кончины в 1918 г. старца Аристоклия. Видимо, иеромонаху Илариону принадлежит описание кончины и погребения старца. В 1922–1930 гг. о. Иларион служил в церкви Григория Неокесарийского в Москве, был арестован 28 декабря 1930 г. и осужден на 3 года высылки в Северный край. После освобождения он был вторично арестован в Москве и в 1937 г. расстрелян.

Иеромонах Антипа (Кириллов Антон Петрович) родился в 1870 г. в Воронежской губернии, в крестьянской набожной семье.

3. СВЯТО-ПАНТЕЛЕИМОНОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

В 1898–1912 гг. он был послушником на Афоне. В архиве Свято-Пантелеимоновского монастыря есть данные о его послушании в Одессе. Потом Антон подвизался в Москве в Новоспасском монастыре (1912–1917), уже в сане иеромонаха, служил в Тамбовской губернии (1929–1931) и Московской области (1931–1938). Расстрелян он был 13 марта 1938 г. в Бутово.

Иеромонах Гавриил (Гур Гавриил Иванович) родился в 1898 г. под Минском в крестьянской семье, окончил церковно-приходскую школу, в 1922–1925 гг. был послушником на Афоне. В 1925 г. он принял монашеский постриг и уехал служить в Баку в Николаевский кафедральный собор. С 1925

по 1929 г. он служил в Баку, где был рукоположен во иеромонаха, затем, с 1929 г. – в храмах Москвы и Московской области. Отец Гавриил был арестован в 1930 г. и осужден на 3 года исправительно-трудовых лагерей. После освобождения он служил в Московской области: в Пушкинском, Звенигородском и Наро-Фоминском районах, В 1937 г. о. Гавриил был арестован и расстрелян.

4. СВЯТО-ПАНТЕЛЕИМОНОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Все пять названных афонских монахов в 2000-х гг. были прославлены Русской Православной Церковью в лике но-

вомучеников. Всего же в базе данных пострадавших за веру священнослужителей и мирян Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета имеется 12 святых новомучеников афонских (больше чем новомучеников Киево-Печерской Лавры и Троице-Сергиевой Лавры)¹¹.

Одним из самых известных афонских исповедников был схиепископ Петр (Ладыгин, в монашестве Питирим, в миру Потапий Федорович). Он родился 1 декабря 1866 г. в г. Глазове, окончил 4-классную школу и военное училище. После окончания военной службы унтер-офицером Потапий Ладыгин отправился на Афон, где в Свято-Андреевском скиту в 1896 г. был пострижен в рясофор с именем Пигасий, а через три года – в мантию с именем Питирим. В дальнейшем о. Питирим был рукоположен во иеродиакона, иеромонаха, возведен в сан архимандрита и в 1910 г. послан настоятелем на подворье Свято-Андреевского скита в Одессу. Во время Первой мировой войны он открыл в Одессе лазарет для раненых, а летом 1918 г. получил поручение св. Патриарха Московского и всея России Тихона вручить Вселенскому Патриарху уведомление об избрании в России Патриарха. Чтобы выехать из Москвы, понадобилось разрешение В.И. Ленина, и отец Питирим добился встречи с главой советского государства. Ленин расспросил его о положении на Украине и распорядился выдать необходимые документы. Архимандрит сумел добраться до Константинополя и вручить послание, затем посетил Свято-Андреевский скит. Обратное по-

слание Вселенского Патриарха о. Питирим доставил лично Патриарху Тихону. После закрытия летом 1923 г. возглавляемого им подворья скита архимандрит Питирим оказался выслан из Одессы, в 1925 г. он был хиротонисан в Средней Азии во епископа Уфимского, затем принял схиму с именем Петр и стал окормлять большое количество тайных общин. Владыка подвергался неоднократным арестам – в 1926, 1928, 1937, 1945, 1951 гг. и скончался 19 февраля 1957 г. в г. Глазове¹².

В начале 1920-х гг. русские афонские обители лишились всех своих подворий в России, в частности, одесские и петроградское подворья они фактически потеряли в 1923 г. Ново-Афонский монастырь был закрыт в 1924 г., братия подворий и Нового Афона в основном разогнана и, как правило, не получила разрешения вернуться на Святую Гору. В 1923–1924 гг. Свято-Андреевский скит остался без своего кавалерского метоха, а Свято-Пантелеимоновский монастырь – без каламарийского, сикийского и касандрийского метохов (земельных владений), отобранных греческим правительством для размещения беженцев из Малой Азии. Испытывая значительные материальные затруднения, обитель была вынуждена продавать церковную утварь, облачения, иконы, хозяйственный инвентарь. Из-за скудости во всем и частых болезней смертность в монастыре достигала 50 человек в год, число братии с каждым годом сокращалось. Одновременно пришли в упадок монастырские мастерские и промыс-

лы, созданные для обслуживания паломников. Были проданы принадлежавшие Свято-Пантелеимоновской обители суда, а также некоторая часть греческого собрания рукописей монастырской библиотеки¹³.

Уже на Всероссийском Поместном Соборе 1917–1918 гг. прозвучала тревога за судьбу русских святогорцев. После 1917 г. все решения и международные договоры, связанные со статусом Святой Горы, принимались без участия России. Тем не менее, и в них было предусмотрено сохранение прав и свобод насельников Афона – негреков. 10 августа 1920 г. оказался заключен Севрский договор между странами Антанты и Грецией, в 123-й статье которого Греция обязывалась «признавать и хранить традиционные права и свободы», которыми пользуются негреческие монашеские общины на Афоне, в соответствии с 62-й статьей Берлинского трактата от 13 июля 1878 г. Севрский договор ставил исполнение этого пункта под контроль Совета Лиги Наций, каждый член которого мог вносить в Совет предложение о принятии тех или иных мер против Греции за нарушение с ее стороны этого пункта.

В целом Севрский договор так и не был ратифицирован, но его постановления о национальных меньшинствах, в частности на Афоне, вошли в Лозаннский мирный договор от 24 июля 1923 г., который был зарегистрирован Лигой Наций 5 сентября 1924 г. и 26 сентября взят Лигой под ее гарантию. 1-я статья договора гласила: «Греция обязуется при-

знавать постановления статей от 2 до 8 [о меньшинствах] этой главы как основной закон, так что никакой закон и никакие правила, никакой официальный акт не могут быть в противоречии или в несогласии с этими постановлениями». Согласно 13-й статье Лозаннского договора, «монахи Афонской горы, какова бы ни была страна их происхождения... будут пользоваться без всякого исключения полным равенством прав и прерогатив». В 7-й статье договора говорилось: «Не будет предписано никакого ограничения против свободы употребления какого бы то ни было языка... как в религии, периодической печати и в изданиях всякого рода, так и на публичных собраниях», а «меньшинства могут в судах пользоваться своим языком как устно, так и письменно». В 8-й статье указывалось, что «греческие подданные, составляющие меньшинство по национальности, вере и языку, могут на свои средства основывать, управлять и контролировать благотворительные, религиозные и социальные учреждения, школы и другие воспитательные заведения с правом свободного пользования здесь своим языком»¹⁴. На деле же правительство Греции в сложной международной обстановке 1920-х гг. фактически не соблюдало эти статьи.

Когда в 1924 г. Элладская Православная Церковь, вслед за Константинопольским Патриархатом, перешла на новоюлианский календарь, Афонские монастыри, следуя своей многовековой традиции, сохранили верность старому стилю (кроме Ватопеда). В Великий Четверг 1926 г. 450 иеро-

монахов и монахов Святой Горы во главе с отцом Арсением (Коттеасом) подписали документ против нового календаря. Была создана «Священная Лига монахов-ревнителей». В том же году Лига начала выпускать свою Конституционную хартию под названием «Якорь Православия», пока она не была запрещена новым законом о Святой Горе Афон, принятым греческим правительством в 1927 г.¹⁵. В этом году, под большим давлением, был достигнут определенный компромисс между Константинопольским Патриархатом и афонскими обителями. Патриарх разрешил инокам Святой Горы сохранить старый календарь, с условием возобновления возношения имени Вселенского Патриарха, оставив решение вопроса о календаре на усмотрение будущего Всеправославного Собора. Это частично успокоило насельников Афона, – с таким решением согласились настоятели всех монастырей, но не все монахи.

Некоторые из них, так называемые зилоты (буквально – ревнители), не достигнув согласия по некоторым каноническим вопросам, разорвали церковное общение с Константинопольским Патриархом. В числе первых зилотов были 24 монаха из Великой Лавры, вскоре некоторых из них сослали в Виглу, в пещеру прп. Афанасия. В 1927 г. 19 зилотов изгнали из скитов Ватопедского и Кутлумушского монастырей, причем часть заключили в Митиленский монастырь на острове Лесбос¹⁶. В результате репрессий зилотское движение пошло на спад, и Афон в целом остался в юрисдикции

Вселенского Патриарха и в молитвенном и церковном общении со всеми Поместными Православными Церквями.

Календарный конфликт наложил свой отпечаток и на проходившем в 1930 г. на Афоне в монастыре Ватопед по инициативе Константинопольского Патриарха Всеправославном Предсоборном совещании (Просиноде). Приглашения были разосланы всем автокефальным Православным Церквям, в том числе Московскому Патриархату. Однако Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский) решил воздержаться от участия в Просиноде; Константинопольский Патриарх в то время рассматривал Русскую Церковь как неорганизованную церковную массу, не имеющую канонического возглавления, и русские представители не имели бы решающего голоса на совещании. Вслед за Русской Церковью от участия в Просиноде отказались некоторые другие Поместные Церкви¹⁷.

Представители Сербской и Польской Церквей попросили для богослужений отдельный храм. По свидетельству епископа Ефрема, «когда греки стали настаивать на том, чтобы все служили вместе, то славяне отказались, говоря в свое оправдание, что у них другой язык, а также и типикон, и что может случиться искушение. Греки продолжали настаивать, а славяне отказывались, и фактически до самого конца собора они так и не сослужили. Стало ясно, что славяне в то время считали календарный вопрос достаточно важным, чтобы из-за него отделяться от греков. Когда они говорили, что их

типикон иной, было очевидно, что календарь играл при этом значительную роль, как часть этого различия». На этом совещании, в частности, горячо защищал юлианский календарь известный сербский святитель епископ Охридский Николай (Велимирович)¹⁸.

10 мая 1924 г. Священным Кинотом была выработана «Уставная хартия Святой Горы Афонской» («Новый канонизм») из 188 статей, утвержденная 10 сентября 1926 г. правительством и парламентом Греции и содержащая ряд положений, ставивших негреческие обители в неравноправное положение и нарушавших древнюю практику. В частности, первая статья «А» «Нового канонизма» гласила: «Полуостров Афонский от горы Мегала Вигла [на границе с материком] до оконечности является самоуправляемой частью Греческого государства под духовным управлением Вселенского Патриарха. Все монашествующие на Афоне являются отныне греческими подданными, а также все вновь поступающие послушники становятся таковыми без дополнительных каких-либо прошений»¹⁹.

Согласно 8-й статье, «представитель Греческого государства на Святой Горе заботится и через свои органы приводит в исполнение решения монастырей и Священного Кинота, поскольку они приняты согласно настоящему Уставу». В новом уставе в отличие от прежнего не было раздела о гарантиях пополнения негреческих монастырей и принятия в них новых монахов. Подразумевалось, что данный вопрос долж-

ны решать светские греческие власти, ведающие визами и паспортами, этим была создана возможность чинить препятствия паломничеству из славянских стран и приезду из них послушников и иноков на Афон.

5. СОБОР СВ. ВМЧ. ПАНТЕЛЕИМОНА СВЯТО-ПАНТЕЛЕИМОНОВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Согласно 180-й статье устава, на Афоне могла быть только одна греческая типография, абсолютное право учреждения которой имел Кинот. По 182-й статье, «каждый монастырь обязательно и безоговорочно должен посылать в Афонскую

церковную школу в Карее из числа монахов или послушников, по крайней мере, двоих учеников» и «никакой монастырь не может отказаться от взноса соответствующей суммы на содержание школы, который будет определяться на основании его экономического положения». Кроме того, «посылка монахов или подчиненных для обучения за пределы Святой Горы, если прежде они не закончили Афонскую школу, категорически» запрещалась. Официальным языком на Афоне стал только греческий (26-я статья).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.